

Рождение парламента

25 мая 1989 года. 10 часов утра. Кремлевский Дворец съездов заполнен до предела. Сцена, как всегда, украшена огромным панно с портретом Ленина. Множество знакомых лиц в партере, в ложах для дипломатов и журналистов. Жужжат телекамеры, все рутинно и привычно. Новшество: члены Политбюро сидят среди других народных избранников. А те из них, что остались без мандатов, — среди гостей, как простые смертные. И открывает съезд не Генеральный секретарь ЦК КПСС или Председатель Президиума Верховного Совета, а председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов В.П.Орлов.

Но все же пока еще мало что изменилось.

Это впечатление закрепляет вступительная речь Орлова. Председатель центризбиркома говорит о новых явлениях старым слогом. Звучат стандартные «возвышенные» выражения: «Широкая, невиданная доселе гласность», «Бурный рост политической активности трудящихся», «Перестройка стала общенародным делом, советские люди высказались за ее дальнейшее углубление», «Выборы стали шагом принципиального значения, продвинули наше общество по пути, намеченному XXVII съездом партии и XIX Всесоюзной конференцией КПСС», «Народ видит в партии Ленина силу, способную сплотить советское общество», «Более мощного общенародного референдума в пользу Коммунистической партии, ее курса на обновление у нас еще не было».

Сидя в первом ряду, я слышу сзади, где расположились депутаты от Москвы, шорохи, перешептывание, люди явно начинают раздражаться, не такого начала ожидали от открытия съезда. Корю себя за то, что не придавал значения этой немаловажной детали. Но особенно задумываться над всем этим не пришлось. Едва только объявлено открытие Съезда народных депутатов, как течение его пошло уже не по заготовленному сценарию. Первое незапланированное выступление: на трибуне врач из Риги В.Ф.Толпежников, и зал встает, чтобы почтить память погибших в Тбилиси. Эмоциональная сцена сразу переводит стрелки политического времени в новое измерение. Теперь уже все отдают себе отчет, что наш государственный корабль, долгие годы пришвартованный к одному и тому же причалу, тронулся в неизведанное плавание.

А курс ему прокладывали не только «лоцманы» со Старой площади и Кремля. Это выявилось уже при обсуждении повестки дня. Оппозиция устами своего лидера Сахарова потребовала сменить порядок обсуждения названных в ней вопросов: сначала отчетный доклад Председателя Президиума Верховного Совета, обсуждение ситуации в стране,

а потом уже выбор нового главы государства и состава Верховного Совета.

Вот что сказал тогда Андрей Дмитриевич: «Я неоднократно в своих выступлениях выражал поддержку кандидатуре Михаила Сергеевича Горбачева. Этой позиции придерживаюсь и сейчас, поскольку не вижу другого человека, который мог бы руководить нашей страной. Но это я не вижу в данный момент. Моя поддержка носит условный характер. Я считаю, что необходимо обсуждение, необходим доклад кандидатов, потому что мы должны иметь в виду альтернативный принцип всех выборов на данном съезде, в том числе и выборов Председателя Верховного Совета СССР. Я говорю слово «кандидатов», хотя считаю вполне возможным, что других кандидатов не будет. Михаил Сергеевич Горбачев, который был родоначальником перестройки, с чьим именем связано начало процесса перестройки и руководства страной на протяжении четырех лет, должен сказать о том, что произошло в нашей стране за эти четыре года. Он должен сказать и о достижениях и об ошибках, сказать об этом самокритично. И от этого тоже будет зависеть наша позиция».

Бросается в глаза известная противоречивость: с одной стороны, Сахаров признает, что других кандидатов в этой обстановке может и не быть, а с другой — настаивает на том, чтобы сначала выслушать мой отчет и дать ему оценку. В первый момент мне подумалось, что это продиктовано стремлением с самого начала ввести работу законодательного органа в русло твердой демократической процедуры. Но, поразмыслив над позицией наших радикалов, я пришел к выводу, что здесь гораздо существенней другой мотив — навязать свою программу действий.

Догадываюсь, что, пребывая в состоянии эйфории после первого своего большого успеха на выборах, основатели демократического движения, еще недавно ходившие в прорабах перестройки, были раздосадованы, а в некотором роде и оскорблены тем, что я не откликнулся на их призывы. Должно быть, они рассуждали примерно так: «Хватило его на первый рывок, и только». Во всяком случае, мне этого отказа не простили, и очень скоро я почувствовал это по остроте и неприличию нападок на себя по всякому поводу и без повода.

А между тем дело было, конечно, не в ограниченности моей программы или приписываемой мне личной нерешительности как политика. Идя на самые крутые преобразования, я ни на минуту не допускал, что в их результате, упрощенно говоря, на смену господства «красных» придет господство «белых». Весь смысл реформ виделся мне как раз в том, чтобы покончить с самим принципом классовой диктатуры, окончательно закрыть семидесятилетний раскол нашего общества. Вырвать корни глубокого гражданского конфликта, создать конституци-

онные механизмы, при которых отношения между социальными слоями и людьми выясняются не с помощью мордобоя и кровопролития, а через политику.

Кроме того, нельзя забывать, что я был Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии. Миллионы людей доверили мне этот пост, и было бы непорядочно, нечестно, даже, если хотите, преступно перебежать в другой лагерь. И тогда, в качестве Председателя Верховного Совета, и позднее, будучи уже президентом, я считал делом принципа продвигать реформы не путем насилия одной части общества над другой, а путем консенсуса. На худой конец, приемлемого для основных политических и социальных сил компромисса.

Стихийное «партийное структурирование» съезда началось задолго до его начала, практически сразу же после выборов. С одной стороны, сгруппировались радикально настроенные депутаты от интеллигенции, главным образом московской и ленинградской. Организационным зародышем этой фракции стал «Мемориал», позднее она назвала себя Межрегиональной депутатской группой, а затем из нее выросла «Дем-россия». Признанным вождем этой партии на первых порах был А.Д.Сахаров, а главным идеологом Г.Х.Попов. И если в первые дни работы съезда межрегионалы на вопросы дотошных журналистов отвечали о своих программных целях уклончиво, то вскоре, если мне помнится, Попов публично признал, что они рассматривают себя в качестве оппозиции. Правда, при этом не декларировали, по отношению к кому конкретно. Но гадать не приходилось, поскольку КПСС оставалась правящей партией.

Парадокс состоял в том, что значительная часть депутатов, вошедших в Межрегиональную группу или тянувшихся к ней, ходивших на ее заседания, не оформляя официального своего членства, состояли в КПСС. За исключением Сахарова, членами партии были практически все лидеры межрегионалов: Попов, Афанасьев и другие. Так что разделение на правящее большинство и оппозицию в парламенте произошло на очень «размытой» основе, и это доставило массу неудобств. Цековский аппарат, да и большинство членов руководства не сразу осознали, что нам придется действовать в совершенно новых обстоятельствах, нужно переучиваться, решительно отказываясь от прежних правил игры. Некоторые исходили все еще из традиционного представления о «блоке коммунистов и беспартийных». Рассуждали так: среди депутатов в процентном отношении подавляющее большинство членов КПСС. Раз так, достаточно установить строгую партийную дисциплину для проведения любых решений Центрального Комитета. И отделы, недолго думая, предложили собрать съехавшихся в Москву депутатов, тщательно проинструктировать и напомнить, что их партийный долг — голосовать по указаниям ЦК.

Не тут-то было. Еще до того, как депутаты выехали в Москву, обнаружилась неудача попыток инструктировать их в республиканских ЦК и обкомах партии. Члены КПСС, избранные в противовес «официальными кандидатами», попросту не откликнулись на приглашение местного партийного начальства «сверить часы» перед съездом. Более успешными были аналогичные мероприятия на союзном уровне. 3 мая в Моссовете я встретился с депутатами от Москвы. Со мной были Зайков, Лигачев, Воротников, Яковлев, Медведев. Задавали множество вопросов самого различного толка.

Но вот попытка собрать партийную фракцию КПСС оказалась явно неудачной. Надо признать, что ущербным был изначально сам замысел. Ведь если бы мы параллельно с заседанием съезда созывали партийную фракцию, работа высшего государственного органа приобрела бы чисто формальный характер, свелась к утверждению директив, вырабатываемых ЦК и Политбюро.

Поэтому я начал «спускать на тормозах» эту затею. Правда, тогда не исключали, что позднее можно будет организовать нечто вроде клуба депутатов-коммунистов. Такие попытки предпринимались, однако и из этого ничего путного не получилось. Все дело было в том, что партия наша никогда не была в полной мере коллективом единомышленников. При первом же веянии свободы, принесенным перестройкой, в ней громко, иной раз даже воинственно заявили о себе различные, в том числе полярные, политические течения.

Но стержнем борьбы, развернувшейся на съезде, стало не противостояние «послушно-агрессивного большинства» (так окрестил четырех депутатов Ю. Афанасьев) с демократическим меньшинством во главе с «межрегионалами».

Сахарову на его предложение по повестке дня ответил депутат Е.Н.Мешалкин из Новосибирска, директор Научно-исследовательского института патологии и кровообращения. Сославшись на то, что сам академик и его соратники не видят альтернативы кандидатуре Горбачева, предложил сначала провести выборы Председателя Верховного Совета, а затем слушать его доклад. Приступили к обсуждению кандидатов на этот пост, и сразу же на первый план выдвинулся вопрос о возможности совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР. Сейчас эта тема может показаться неактуальной. Тогда это было более чем серьезно. Страна едва избавилась от тоталитарного режима, и буквально все, за исключением закоренелых сталинистов, боялись, чтобы не произошло новой концентрации власти в одних руках. Многие не без основания говорили, что, зная Горбачева, не ждут от него сюрпризов для молодой демократии, которую сам он пестует. Но лучше все-таки застраховаться, мало ли кто может прийти к руководству завтра.

Короче, В.А. Логунов, бывший тогда заместителем главного редактора газеты «Московская правда», предложил, чтобы я сложил с себя обязанности генсека. При этом сослался на то, что в ходе предвыборной кампании было много публикаций и писем граждан в пользу такого решения. Ему возразил В.П.Хмель — строитель из Ангарска, предложивший «голосовать за Михаила Сергеевича Горбачева и за совмещение постов Генерального секретаря и Председателя Верховного Совета». Дальше последовало много коротких выступлений, в которых наряду с поддержкой политики перестройки и похвалой в мой адрес были и критические замечания, советы, пожелания. Много потом судачили о выступлении Чингиза Айтматова. Некоторые его собратья из творческой интеллигенции усмотрели в его речи чуть ли не попытку возродить печально памятную традицию восхваления начальства. Не думаю, чтобы это было справедливо. Кажется, у Маяковского я вычитал фразу: «так боялись прослыть подхалимами, что крыли начальство матом». Вот и у нас, настолько опротивело всем воспевание достоинств Брежнева, что вошло в хороший тон поругивать лидера. Я, впрочем, старался не обращать на это внимания.

Все же позволю себе привести одну выдержку из выступления Айтматова и, честное слово, совсем не потому, чтобы польстить таким образом самому себе. Просто мне кажется, что он с его писательским даром сумел найти точные слова для характеристики того, что у нас произошло. Напомнив, что Верховный Совет с первых дней своего существования оказался у нас «под непосильным прессом авторитарных режимов, низведших роль высшего законодательного органа к формальному придатку партаппарата», он сказал далее:

«Но вот пришел человек и растревожил спящее царство. Пришел он не откуда-нибудь со стороны, а возник в недрах самой этой системы, возможно, как шанс выживания через обновление, ибо с точки зрения исторического состояния застойный период, подобно снежному кому, все больше накапливал в себе разрушительную силу инерции и консерватизма, опасную как для самого общества изнутри, так и для окружающего внешнего мира. Этот человек волею судеб пришел к руководству как нельзя вовремя. Конечно, следуя по стопам предшественников, он мог и не утруждать себя, мог спокойно восседать торжественно в президиумах, зачитывать с трибун писанные секретарями тексты, и все катилось бы по накатанной дорожке. Но он отважился, казалось бы, на невозможное — на революцию умов при сохранении социалистического устройства общества... Он отважился вступить на путь социального обновления и стоит на нем на крутом ветру перестройки».

В отношении «крутого ветра» Айтматов был куда как прозорлив. Впрочем, тогда были еще только первые дуновения. Выдвижение мое прошло гладко, все проголосовали «за», было лишь четверо воздер-

жавшихся. Не обнаружилось и сколько-нибудь серьезных соперников. Самовыдвижение А.М.Оболенского не было принято всерьез большинством депутатов. Он, скорее всего, заручился обещанием «межрегионалов» отдать за него свои голоса. И надо сказать, весь этот эпизод не делает чести оппозиции. Можно было бы понять, если бы она выдвинула в конкуренты Сахарова или Ельцина, на худой конец, популярных тогда Попова и Афанасьева, все-таки эти деятели были известны. Но голосовать за избрание на высший пост в государстве абсолютно никому не известного человека было крайней безответственностью, делом в общем-то постыдным.

А оппозиция не решилась в тот момент оспаривать пост председателя, поскольку подобная попытка была заведомо проигрышной. Поэтому и Ельцин, кандидатура которого была названа Бурбулисом, взял самоотвод. Его, кстати, настойчиво просил об этом депутат А.Крайко.

Правда, выступление Ельцина было двусмысленным. Он напомнил о решениях XIX партийной конференции о совмещении должностей и майском Пленуме ЦК, который рекомендовал Горбачева на пост Председателя Верховного Совета. Сказал и о том, что сам воздержался при голосовании моей кандидатуры, дав понять, что будет выполнять решения Пленума, «поскольку он за перестройку». А в заключение сообщил, что со вчерашнего дня он безработный и мог бы, «работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение».

Итоги голосования объявил председатель счетной комиссии академик Ю.А.Осипьян: за Горбачева — 2123 бюллетеня, против — 87. Таким образом, я был избран Председателем Верховного Совета 95,6 процента голосов, принявших участие в голосовании.

Сердечно поблагодарив съезд, я вернулся к себе в кабинет на Старой площади, где уже ждали помощники, чтобы договориться о докладе. Были, естественно, поздравления, но думали, что сколько-нибудь существенного изменения в моем государственном статусе не произошло. Ну, был Председателем Президиума, стал «просто» председателем. Сам я хорошо понимал значение свершившегося.

Не принесли особых неожиданностей выборы Верховного Совета. В целом на тот момент они были оптимальными. В составе ВС оказалось немало людей, ставших профессиональными парламентариями, сумевших наладить законодательную работу. С этой точки зрения союзный Верховный Совет намного превосходил российский. Во всяком случае, именно этот состав заложил традиции нового парламентаризма у нас в стране и создал правовую базу проводимых радикальных преобразований.

Правда, съезд отклонил кандидатуры некоторых депутатов, которые значились в «прорабах перестройки». Это вызвало бурю негодова-

ния в рядах межрегионалов, грубые нападки со стороны контролируемых ими печатных изданий. Усматривали в случившемся козни номенклатуры, возрождение прежней практики дирижирования Советами и т.д. Во всем этом, однако, не было ни грана правды. Если бы даже парт-аппарат и попытался действовать прежними методами, ему это вряд ли удалось бы. Не таким уже был настрой депутатов. И то, что они забаллотировали наиболее «голосистых» представителей Межрегиональной группы, следует объяснить прежде всего неприятием того высокомерия и откровенных грубостей, с какими некоторые деятели этой группы третировали депутатов из провинции, из районного звена, от станка, с поля.

Что говорить о провинциалах, если досталось и вновь избранному Председателю Верховного Совета: меня обвинили в «манипулировании большинством» за мои старания так вести заседания, чтобы все имели возможность высказаться, а парламентская полемика не переросла бы в потасовку.

Сигнал к ней подал Афанасьев со своим «сталинско-брежневским Верховным Советом». За ним в том же духе выступили Попов, Адамович, а в ответ, не менее яростно, большая группа оскорбленных депутатов. С обеих сторон приводились серьезные, веские аргументы, но к ним в запале добавляли и всевозможные резкости. Урезонивая расходившихся ораторов, я призывал обратить внимание на содержательные доводы, имевшиеся в выступлениях межрегионалов. Что же касается причины их агрессивного тона, то об этом лучше всех сказал тот же Мешалкин, объяснивший выступления Афанасьева и Попова неудовлетворенностью их положением на съезде, тем, что они оказались в меньшинстве, а рассчитывали, что, «как на митингах в Лужниках, они смогут нас всех поднять и немедленно смести все, что им мешает стать во главе съезда».

Скажу откровенно, я считал полезным избрание Ельцина в Верховный Совет. На майском Пленуме он сказал много таких вещей, под которыми я был готов подписаться. Другой вопрос, что за политической программой просматривались непомерные притязания. В результате тайного голосования Ельцина все же забаллотировали. Вот тогда-то депутат из Омска юрист Алексей Казанник предложил передать свое место в Верховном Совете Ельцину. Завязалась оживленная дискуссия, в основном по юридическому аспекту этого необычного шага. В конце концов «рокировка» состоялась.

Новшества

В съездовской суете и суматохе невозможно было проводить заседания Политбюро, но мы встречались неформально накоротке во время перерывов. В комнате, примыкавшей к сцене, подавали чай, кофе, там можно было, так сказать, на ходу обменяться мнениями. Все ощущали